

Испания как метафора (к перекрестному году России в Испании и Испании в России)

Е.В. Астахова

«Кто там, в малиновом берете,
с послом испанским говорит?»
А.С. Пушкин. Евгений Онегин

«Я – Гойя!»
Андрей Вознесенский

«Испанская страсть, чувст-
венное фламенко»
(Реклама мюзикла «Зорро»,
апрель 2011)

В статье анализируется представление о национальном образе Испании в русском массовом сознании в контексте принадлежности обеих стран к пограничным культурам. Стереотипы, стиль поведения, ментальность представлены сквозь призму наблюдений российских исследователей. Делается вывод, что познание «другого», часто интуитивное и мифологическое, должно проходить через реальное понимание «картины мира» с учетом исторических трансформаций.

Что есть Испания для жителя России? Совершенно очевидно, что для русского сознания эта страна выступает в образе художественной, эмоциональной метафоры. Праздник, солнце, яркие краски, сильные страсти – таковы ассоциации восприятия Испании в России. Стереотипы образа Испании, «картина испанского мира», сложившиеся в менталитете образованной части русского населения в XIX в., большей частью поверхностные, частично – мифологические, в меньшей степени – реальные, настолько сильны, что никакие изменения, которые произошли в этой европейской стране за прошедшее столетие, не смогли их изменить.

Россия и Испания – страны, расположенные, по образному выражению испанского философа и писателя Хосе Ортеги и Гассета (José Ortega y Gasset, 1883–1955), «на большой европейской диагонали», – очень разные и по климату, и по природе, и по традициям. В то же время между Россией и Испанией, безусловно, существуют духовное притяжение и соприкосновение исторических судеб. Обе страны интересны и необходимы друг другу в политической, экономической и культурной сферах, они, несмотря на географическую удаленность, объединены особым пространством.

Это пространство – принадлежность и России, и Испании к пограничным культурам. Географическое расположение той или иной культуры, как постоянно действующий фактор, определяет пути ее развития, своеобразие судьбы, при этом таит в себе исходное противоречие. Этот фактор «то спонтанно и неосознанно для самой культуры, то открыто и даже подчеркнуто» не только делается важнейшим элементом самосознания, но «оказывается наиболее чувствительным к динамике доминирующих процессов данной культуры», – писал Ю.М. Лотман, размышляя о русской – цивилизации¹.

Для пограничных культур России и Испании характерны «большая, по сравнению с культурами непограничными, открытость и закрытость. Существова на протяжении многих веков с чуждыми, хотя и не обязательно враждебными культурами, – культуры пограничные особенно восприимчивы к идущим извне влияниям и в то же время ревниво оберегают свою самобытность. И в русской, и в испанской культуре присутствует «постоянное напряжение между двумя полярными тенденциями: охранительной и космополитической, «всемирной отзывчивостью» и сохранением традиций, сочетание которых и является не только

Астахова Елена Васильевна – к.и.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: espanol@mgimo.ru

естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур, динамичным фактором их развития»².

Россия и Испания пережили господство и влияние чужой цивилизации (хотя и в разный исторический период), обе страны смогли найти силы и испытать пассионарный толчок, чтобы сбросить чужеземное иго и в то же время воспринять другую культуру и впитать в себя лучшее, что принесли им завоеватели. Обе страны создали новые цивилизации: испанцы – иберо-американскую, начав экспансию на Запад, русские – евро-азиатскую, продвигаясь на Восток, к Тихому океану. В разные периоды исторического развития можно найти схожие параллели и в социально-политическом, и в культурном развитии наших стран: наполеоновские войны и героическое сопротивление захватчикам народов, жесточайшие по накалу гражданские войны, тоталитарные диктатуры Франко и Сталина (при всем их различии), переход к либерализации общества и демократии, национальные проблемы в настоящее время.

Символы, по определению А.Ф. Лосева, с одной стороны, материальны и реальны, с другой – обретают бесконечное значение. Образ Испании складывался в России на протяжении двух веков и, конечно, менялся в зависимости от исторических, политических и конъюнктурных обстоятельств, но менялся в деталях, неизменным оставалось представление о романтической и пленительной стране. Известно, как часто образы превращаются в мифы, которые начинают господствовать в сознании «другого», и их трудно изменить. На протяжении долгого времени в «остальной Европе», начиная со Средних веков, об испанцах господствовали суждения как о неблагополучной, «незападной» стране.

Процветала «черная легенда», во многом созданная искусственно геополитическими соперниками Испании – Англией, Голландией, Францией. В ее основе лежали мрачные страницы испанской истории, связанные с инквизицией и «страной суверения, деспотизма и религиозного гнета», когда навязывались представления о стране «мавров, иудеев, цыган», жестоких конкистадоров, захвативших полмира. Западноевропейская классическая и приключенческая литература обобщала эти представления, перенося их на испанский национальный характер, создавая широко известные образы. «Испания не похожа на нас», «Европа заканчивается у Пиренеев», – говорили западноевропейцы и рисовали испанцев как патриархальный, отсталый, необразованный и даже дикий народ с необузданными страстями.

Начиная с XVIII в., когда Испания уже была значительно ослаблена политически и экономически, рождается «желтая легенда». Ее категориями стали коррида, тореро, Кармен, фламенко, гитара, фиеста, сиеста, страсть и другие похожие символы. Именно эти стереотипы, а не «черная легенда» нашли благодатную почву в России. Оценку нравов «Гишпаний» читаем у русского посла Петра Ивановича Потемкина, посетившего Испанию в 1667–1668 гг., и в 1681 г. Потемкин отмечал, что

уроженцы дальней страны «во нравах своеобычны», «хмельного питья пьют мало», «домостройные люди», «в иные земли для купечества мало ездят, потому что изо всех земель привозят к ним товары всякие». Русские дипломаты восхищались соборами и замками, отмечали мавританские элементы в языке, обычаях, во внешнем виде домов³.

Испания в представлении русского образованного человека с конца XVIII в. уже связана с таким ассоциативным рядом, как веер, мантилья, дуэнья, плащи, шпаги, гитары, серенады под балконом, страстная любовь, ревность, тореадоры и т.п. Эти литературно-мифологические символы пришли в Россию прежде всего из Франции и нашли отражение в многочисленных художественных произведениях с испанским «колоритом» на протяжении всего XIX в. Появилась своего рода «русская мечта о пленительной Испании». А.С. Пушкин, никогда не бывавший в Испании, великолепно передал этот образ в целом ряде своих известных произведений.

Романтические стереотипы Испании были рестиражированы в русском сознании настолько, что в «Письмах из России» испанский дипломат и писатель Хуан Валера (Juan Valera, 1824–1905) отмечал с некоторой опаской, что петербургские дамы ждут от испанцев какой-то необыкновенной страсти. А в театральных спектаклях на русской сцене испанцы показаны не иначе как пираты и цыгане⁴. Характерен в этой связи пародийный образ «Желание быть испанцем», созданный Козьмой Прутковым:

*«Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура!
Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару»⁵.*

В этой связи важно отметить, что «испанские дела» носили не только романтическое звучание, но использовались русскими литераторами и как подтекст. У М.Ю. Лермонтова Испания – политический символ и шифр. Н.В. Гоголь прибегает к «испанскому антуражу» в «Записках сумасшедшего» как приему для показа злободневных политических событий в России. Крылатой стала ироничная фраза Гоголя – «я узнал, что у всякого петуха есть своя Испания». Ф.М. Достоевский, размышляя о различиях между католическим Западом и православной Россией, переносит фабулу «Легенды о Великом Инквизиторе» в средневековую инквизиторскую Испанию XVI в.

С середины XIX в. Испанию начинают посещать русские путешественники, которые едут в дальнюю страну только потому, что им было интересно, а не для того, чтобы развлечься, лечиться, слушать оперу, получить образование и т.п. (как это происходило в случае с Францией, Германией, Италией, Англией). Василий Петрович Боткин – публицист, литературный и художественный критик, оставил первые непосредственные записки очевидца, прожив около года в Испании. Его «Письма об Испании»⁶, публиковавшиеся в «Современнике»

■ Международные отношения

(1847–1851 гг.), были первой попыткой создать реальный образ страны. В.П. Боткин изучал испанский язык, что в немалой степени помогло ему открыть дополнительные измерения реальности. Интереснейшие заметки принадлежат композитору М.И. Глинке, который смог передать атмосферу жизни в Испании, особенности общения с разными слоями общества, а через проникновение в искусство, музыку, язык – суть национальной культуры⁷.

В конце XIX в. появилось фундаментальное историко-этнографическое исследование Е.Н. Водовозовой «Испанцы»⁸. Эта книга вплоть до 1960-х гг. оставалась одной из основных работ, формировавших образ Испании в глазах русской читающей публики. Интересно также упомянуть заметки путешественника И. Яковлева (И.Я. Павловский) «Очерки современной Испании»⁹. В конце XIX – начале XX в. Испанию посетили русские художники (К. Коровин, В. Суриков, П. Кончаловский, А. Бенуа, В. Серов, В. Поленов, И. Репин, Н. Гончарова и др.), которые оставили увлекательные воспоминания о красочной народной Испании. В XX в., особенно в годы второй республики и гражданской войны, в Испании побывали многие русские писатели, деятели искусства, журналисты. Те же, кто не бывал, но «чувствовал» Испанию и обращался к ее образу в своем творчестве, например А.А. Блок в цикле «Кармен», оперировали категориями «любовь, земной рай, радость, печаль, Бог, скрытая сила».

Все русские путешественники и исследователи подмечали традиционные черты национального характера и анализировали психологические и культурные особенности жителей Испании. Трудно дать определение термину «национальный характер», это – одно из самых сложных, вызывающих большие споры понятий. Еще в словаре Брокгауза и Ефрона мы читаем, что характер – «... нечто настолько трудноуловимое, настолько неясное и неопределенное, что только с большим натяжением можно класть в основу различия»¹⁰. Тем не менее можно говорить о совокупности специфических, своеобразных, присущих данному народу общечеловеческих качеств, черт и идей. Очень часто эти черты совпадают с общечеловеческими базовыми ценностями, но речь идет об особой концентрации и сочетании качеств и способах их проявления.

Конечно, эта специфика относительна, в самой Испании присутствуют такие разные баски, каталонцы, галисийцы. Еще в конце XIX в. И. Яковлев (И.Я. Павловский) отмечал региональную взаимоотчужденность населения страны: «... с самого приезда в Испанию я заметил, что все провинции здесь друг с другом на ножах. ... Только земляк считается соотечественником, остальные – иностранцы, к которым относятся враждебно или свысока»¹¹.

«Описать национальное – это выявить уникальное»¹², – писал русский философ Г. Гачев, автор многих работ о национальных образах. «Национальные особенности – это как выражение лица, интонация». Поэтому важно сообщить представление о национальном мире ярко и убедительно,

используя поле ассоциаций. И смотреть на национальное не только прямо – «как на солнце», «а сбоку заглядывать, вроде случайное улавливать». Использовать предположения, гипотезы, даже фантазии, «окольный путь здесь оказывается ближе»¹³.

Приведем определение сущности испанского характера, которое сделал дипломат и историк Сальвадор де Мадариага, долгое время живший вне Испании в эмиграции: «Испанский характер полон противоречий. К нему применимы такие прилагательные, как жесткий и человечный, смиренный и бунтующий, энергичный и ленивый. Испанцы спонтанны и преисполнены достоинства, они демонстрируют все то, что мы можем называть человеческим микрокосмосом. Это люди страсти, они могут концентрировать силу воли перед лицом особых обстоятельств, они способны на сверхчеловеческие поступки»¹⁴.

Все русские путешественники и исследователи с восторгом подчеркивали, что Испания – страна праздника. Эта сторона жизни притягивает и современников. «Праздники завораживали, брали в полон зрение, обаяние, даже вкус. Это был своего рода гипноз, не погружающий в сонное состояние, а пробуждающий творческий дух. Праздник ощущался как счастливая форма построения жизни...»¹⁵, – эта цитата в полной мере передает восприятие русскими духа испанской фиесты. В.П. Боткину Испания по сравнению с «европейской суеютой» представлялась идиллическим местом: «В голове у меня нет ни мыслей, ни планов, ни желаний... мне кажется, я растение, которое из душевной, темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю в себя воздух, часа по два сижу где-нибудь над ручьем и слушаю, как он журчит, или засматриваюсь, как струйка фонтана падает в чашу... Ну что, если б вся жизнь прошла в таком счастье!»¹⁶

О состоянии счастья и восторге перед испанскими праздниками говорил М.И. Глинка. «Мадрид – прелестный город, здесь все дышит весельем», «нет города веселее Севильи», «благословенная страна, давшая ни с чем несравнимое ощущение счастья и полноты жизни»¹⁷. «Право на досуг здесь кажется столь же необходимым, как право на воздух», – читаем в репортажах И. Эренбурга из Испании, опаленной гражданской войной. Праздник и праздность – на русском языке однокоренные слова. Многие путешественники и мыслители писали о праздности как неотъемлемой черте национального характера испанцев: «То, что праздность в Европе считается пороком, в Испании – нисколько» (В.П. Боткин). Художница Наталья Гончарова, прожив полгода в Саламанке, удивлялась, что естественное состояние жителей Испании – праздность. «Не ровно столько, сколько нужно прожить, а немножко меньше, чем нужно, чтобы не умереть... азарт ко всему, что не труд. Либо отдыхают, либо празднуют»¹⁸.

К. Коровин, побывавший в Испании в 1888 г., прочувствовал эту страну через свой талант, через гармонию цвета. Не раз в своих воспоминаниях он спрашивает себя – почему, как у нас? Почему,

как в России? «Девушки сказали хозяйке, что я – русский. Полная женщина в удивлении хлопнула себя по коленям и, раскрыв рот, смотрела на меня. Потом побежала внутрь магазина и, вернувшись, подала мне завернутый в бумагу кусок пирога с вареньем – в подарок. «Как у нас», – подумал я. «Но почему, несмотря на другую природу, обстановку, весь иной лик, я чувствовал себя, будто я в Москве? В чем дело? И вдруг понял, в чем похожи испанцы на нас: в радушии и разгуле. Казалось, что и здесь какой-то вечный праздник, точно никто ничего не делает, как и у нас...»¹⁹.

Сами испанцы всегда признавали, что акцент в их жизни делается не на труде, а на радости жизни, в этом состоит их полное расхождение с протестантской моралью. Испанский писатель Фернандо Диас Плаха, автор знаменитой книги о «семи смертных грехах испанцев», много пишет о лени, цитирует слова Мигеля Унамуно, что даже сама испанская культура родилась в результате бесконечных разговоров в «кафе, а не в университетах»²⁰.

Размышляя об испанском характере, русские исследователи называют такие черты, как:

– рыцарство, всеобщая вежливость и деликатность;

– гостеприимство (когда участие гостя в обеде или пирушке немыслимо в сочетании с его денежной расплатой, друзья расплачиваются и за гостя);

– чувство достоинства у «совсем непривилегированных личностей».

«Испанский мужик исполнен достоинства, лик его горд, все манеры – знатного барина, он говорит с кем бы то ни было тоном совершенного равенства», – пишет В.П. Боткин. Психологическое равенство слуг и их хозяев, свободное и непринужденное поведение простых людей, простота, отзывчивость, широта натуры, веселость – эти особенности испанского архетипа вызвали восхищение наших соотечественников.

В Испании ярко проявляются **экспрессии чувств** – любовь, ненависть, дружба, способность прийти на помощь, страдания, а также легкое и максимализм. В этом эмоциональном плане она близка России, несмотря на то, что русские – интравертны, а испанцы представляют собой ярко экстравертный тип как темпераментных и чувствительных людей. Они часто ссорятся и мирятся, глубоко страдают, обнимаются и целуются, громко говорят и спорят о пустяках, жаждут справедливости и легко обижаются. Обладают чувством юмора, часто шутят, улыбаются, они – доброжелательны.

Улыбка играет большую роль в общении, в том числе с незнакомыми людьми. Эмоции и страсти преобладают над разумом. Благодаря сухому и солнечному климату, жизнь испанцев большей частью протекает вне дома, она открыта чужому взгляду, «тайны» почти невозможны (сравним с английским понятием *privacy*). В то же время чувство страдания глубоко свойственно этому народу. «Наверно, нет никакой другой страны, которая могла бы выдерживать столько страданий и лишений, как Россия, только наш несчастный народ Испании может с ней в этом сравниться», – писал испанский публицист,

свидетель постреволюционных (1917 г.) событий в России²¹.

Поскольку наши страны похожи по совместно-му отличию от судьбы и истории общеевропейской, можно говорить о **комплексе неполноценности**, который преследовал Россию и Испанию на протяжении долгого исторического периода, их ощущении периферийности, «пребывания с края Европы». Испанию часто называли «Востоком Европы». Связанная многими нитями с Европой (историей, религией, государственным устройством, образованием и т.д.), эта страна вобрала в себя черты восточных культур – арабской, еврейской, цыганской. Испанские авторы называли этот комплекс *vacilación española* и отмечали сходство ментальности с Россией. В этой связи интересно свидетельство молодого в то время (1916 г.) русского музыканта Сергея Прокофьева, когда он по пути из Франции терпеливо дожидаясь на испанской границе поезда в связи с его подготовкой из-за разницы в ширине железнодорожной колеи в Испании и остальной Европе. Прокофьев записал в своем дневнике, что чувствует себя так, как будто возвращается домой в Россию. Еще он записал, что «в Испании все должно быть по-другому, не так, как в остальной Европе»²². А вот еще одно наблюдение русского музыканта, И. Стравинского: «Впечатления от Испании резко отличаются от тех однообразных впечатлений от Европы, когда переезжаешь из одной страны в другую; все европейские страны отличаются друг от друга меньше, чем эта страна, лежащая на краю нашего континента и уже граничащая с Африкой»²³.

В начале XX в., когда Испания после потери своих последних колоний и окончательного разрушения империи переживала экономический, политический и, прежде всего, духовный кризис, многие испанские мыслители были заняты поисками смысла жизни и национальной идеологии. Вопросы, касающиеся **El Ser de España**, сути и сущности испанского национального характера, его духа и идеи, а также проблема «двух Испаний», продолжают и в настоящее время вызывать дискуссии.

Известна знаменитая фраза Хосе Ортеги и Гассета о том, что Испания является «самой ненормальной страной Европы». Размышляя о судьбе своей страны, он писал: «Что с нами произошло и происходит – это то, что мы не знаем, что с нами происходит». Испания, по его словам, «не состоялась как современная нация», «испанцы – прозрачный народ», обращенный в прошлое, «и ныне и присно они были нацией вторичной, задворками человечества». И это писал великий мыслитель, вошедший в историю как «человек, большой Испанией». Другой испанский великий философ, поэт и писатель Мигель де Унамуно (Miguel de Unamuno, 1864–1936) подчеркивал **трагическое восприятие жизни** испанцами, а о себе говорил: «Испания – моя боль»²⁵.

Эти и другие подобные высказывания отражали конкретный исторический момент, но в них содержится анализ важнейшего элемента испанского национального характера, в котором, наряду с «праздничными» чертами жизни, всегда

■ Международные отношения

присутствуют *острое чувство смерти, мистерия бытия, трагичность*. Это можно проследить на протяжении всей истории Испании, а гениальный пример на все времена – образ Дон Кихота, «испанского Христа». Нельзя не упомянуть в этой связи об особом явлении испанского духа, о «таинственной», «магической» силе, которую «все чувствуют и ни один философ не объясняет» (слова Гарсии Лорки), – это мир *duende*. *Duende* – испанский рок, судьба, «край бездны», ощущение Бога. Скрытая сила и темперамент испанского характера, гордость, самопожертвование, самодостаточность, стойкость в страданиях, национальное пение, танец, прежде всего *фламенко*, великая живопись, поэзия – все это есть *duende*.

Насколько изменилась Испания? «Начиная с Олимпиады в Барселоне в 1992 г. Испания постоянно демонстрирует изменение стиля жизни, новые поиски. Через 30 лет после смерти Франко она превратилась в совершенно другую страну по сравнению с тем, что было», – пишет известный английский исследователь Питер Престон. Действительно, в политическом, экономическом, социальном плане страна, часть Европейского союза, радикально изменилась. Для нее крайне важно равноправное партнерство с Европой, США, она укрепляет особые позиции в Латинской Америке и Африке. Испания гордится своей моделью перехода к демократии. Правительства, независимо от их партийной принадлежности, активно работают вместе с государственным институтами и частными фондами над продвижением обновленного образа страны (проект *marca país*).

Новые реалии определяют и новые ценности. Резкое улучшение материального положения привело к росту консумизма (потребительства). Социокультурные реформы изменили внутрисемейные отношения, положение женщины. Религиозность перестала быть определяющей чертой испанского характера. Религия для испанцев стала «социальным актом», а не верой. В то же время Испания не могла в одночасье «перестать быть католической». Даже те испанцы, что пишут в опросных анкетах о своем антиклерикализме, не считают себя сознательными атеистами. Сохранившийся – на уровне самосознания, семейных или региональных ценностей – «имманентный католицизм» – объединяет испанское общество и во многом объясняет его толерантность, в частности в отношении к мигрантам.

Открытость страны и развитие туризма изменили консервативно-негативное отношение к иностранцам. В связи с всеобщей глобализацией теряют вес традиционные ценности испанского общества – любовь, семья, дети, друзья, человеческая поддержка в трудных обстоятельствах, солидарность соседей, сострадание, умение прощать и т.п. В человеческих отношениях начинают преобладать индивидуализм и прагматизм, большая утилитарность.

В стране обостряются национальные конфликты, растет «местный патриотизм», автономные сообщества демонстрируют свою самостоятельность даже по отношению к вековым традициям. Напри-

мер, в 2011 г. Каталония приняла закон о запрете корриды. Одновременно с усилением центробежных тенденций усилились споры о национальной идентификации, поиски идеологии, которая смогла бы объединить испанское общество и государство.

Вместе с тем, несмотря на новый стиль жизни, новые формы отношений, господствующие в обществе, испанцы, может быть, более, чем другие народы, стремятся сохранить свои традиции. «Будь что будет, единственное, что важно, – это люди, особенно наши близкие и любимые», – говорит герой обожаемого всеми испанцами телесериала, в котором рассказывается о пути к демократии, который прошла страна в 70–80-х гг. прошлого века. Эти слова – ключ к пониманию современного испанского умонстроения, духа, характера.

Испанский ученый Хавьер Нойя, анализируя восприятие страны за рубежом и стереотипы об Испании, которые формируются в настоящее время посредством СМИ, кино и обращения к истории, приходит к выводу: за рубежом продолжает преобладать романтический образ страны праздника, развлечений, места отдыха, экзотических женщин, страстных любовников (*latin lover*)²⁶.

Для жителей США Испания – это страна fiestas, фламенко, неторопливого образа жизни, поздних ужинов, большого количества праздных людей, наполняющих улицы и площади.

Во Франции продолжают сохраняться остатки «черной легенды» – инквизиция, жестокость, империализм, французы считают испанцев «высокомерными, фанфаронами, трусами, жадными, бедными и, прежде всего, ленивыми».

Для Италии важна «вековая привязка испанцев к восточной и африканской культуре, влияние ислама и иудаизма», а в целом итальянцы относят своих соседей к «более низкой расе».

В Германии, несмотря на то что признают испанцев достойными партнерами в делах, продолжают считать их «гордецами, фанатичными».

В Англии ключевые слова в отношении Испании – «праздник и дезорганизованность».

В результате в Западной Европе, США и Канаде считают испанцев «симпатичными, но незрелыми» (*simpáticos pero inmaduros*).

В целом в мире, в России в том числе, доминируют понятия *романтизм, страсть и праздник*. «Испанцам нравится развлекаться и веселиться, поэтому многие иностранцы и приезжают в Испанию, чтобы насладиться праздником», – констатирует Х. Нойя.

Кстати, среди стереотипов, которые развенчивает в ходе своего анализа Х. Нойя, – *коррида*, чья популярность на самом деле падает (25 % населения поддерживает корриду), она остается частью чисто культурной художественной традиции, а молодежь сделала свой выбор в пользу *футбола*, который становится новым «брендом» Испании. *Фламенко* – другой типичный стереотип, представляет собой, пишет Х. Нойя, интереснейший феномен, но его нельзя считать традиционным танцем, он – «захватывающий и драматичный, но громадное большинство испанцев не умеют танцевать фламенко».

Для продвижения положительного образа страны используется культ *еды*, который является неперенной частью испанского архетипа. Паелля, хамон, сангрия – термины, не нуждающиеся в переводе. Так, на Всемирной выставке 2010 г. в Шанхае павильон Испании был одним из самых популярных во многом благодаря испанской кухне.

В настоящее время Испания – это намного больше, чем устойчивые стереотипы, которые продолжают господствовать в сознании населения большинства стран, в том числе и России. Испания – современная страна с высоким уровнем жизни, полная решимости создавать новые реалии, которые должны вытеснить старые негативные и поверхностные штампы, сохраняя в то же время лучшие традиции. «Ветряные мельницы» «Дон Кихота» – признак отсталости и закрытости страны. Нельзя отрицать стереотипы, но нужно уметь посмотреть на них новым взглядом. Например, «соединить эти традиционные мельницы с лидирующим положением Испании в использовании инновационных станций энергии ветра»²⁷, – такие рецепты предлагаются современной Испании.

Ключевые слова нового образа Испании и ее достижений это – мода (магазины Zara), теннис, футбол, современная индустрия отдыха, кухня и продукты питания, культурные памятники, региональные праздники, великие испанские художники, кино, прежде всего фильмы Альмодовара, королевский дом, испанский язык, который стал важнейшей частью государственного проекта по продвижению образа страны.

Многовариантность народов и их культур есть сокровище человечества. «Каждый народ одарен особым талантом видеть мир и сотворять вещи таким образом, который не свойственен народу-соседу. Таким образом, народы дополняют друг друга на планете, и нам следует не просто иметь терпимость, толерантность к различиям между народами и их культурами, но питать любовь к ним так же, как мы уважаем разделение труда в производстве. **Возлюбленная непохожесть** – вот что должно быть принципом во взаимных отношениях между цивилизациями», – пишет Г. Гачев. Современная глобализация не может поглотить национальные образы, национально-историческую систему понятий, они слишком глубоко входят в архетип, ментальность народов.

Все больше туристов, студентов, предпринимателей из России едут в Испанию. Они несут в своем сознании интуитивный образ, основанный на символах и мифах, которые необходимы, чтобы понять «другого». Вступая в культурную коммуникацию со страной и ее жителями, наши соотечественники должны быть готовы к пониманию трансформации образа современной Испании.

Astakhova E. V. Spain as metaphor.

Summary: The author gives the analysis of the Spain national image, stereotypes, style of life, mentality represented in Russian mass conscience in the context of belonging of the two nations to the border cultures. The conclusion is that the knowledge of the "other", intuitive and mythological, must be prepared to accept transformations of the "world picture" in new historical conditions.

Ключевые слова

Испания, Россия, национальный образ, пограничные культуры, стереотипы, мифы, ментальность, стиль жизни, межкультурная коммуникация.

Keywords

Spain, Russia, national image, border cultures, stereotype, myth, mentality, style of life, international communication.

Примечания

1. См.: Лотман Ю.М. Знамя. №9. 1997.
2. Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., 2001.
3. Цит. по: Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985.
4. См.: Juan Valera. Cartas desde Rusia. Madrid, 2005.
5. Сочинения Козьмы Пруtkова. М., 1976. С. 69.
6. См.: Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976.
7. См.: Глинка М.И. Литературные произведения и переписка. М., 1975. Глинка М.И. Письма и документы. Л., 1953.
8. Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. Жители Юга. СПб., 1875.
9. Яковлев И. (Павловский И.Я.). Очерки современной Испании (1884–1885). СПб., 1989.
10. Новый энциклопедический словарь (бывш.издательство «Дело» Брокгауза и Ефрона). 1916. Т.22.
11. Яковлев И. (Павловский И.Я.). Указ. соч. С. 144.
12. Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1998. С. 46.
13. Там же.
14. Madariaga, Salvador de. Ingleses, Franceses, Españoles. Madrid-Barcelona, 1931. P.66.
15. Очерки истории латиноамериканского искусства. М., 1997. Ч.1. С.29.
16. Боткин В.П. Письма об Испании. С.280.
17. Глинка М.И. Письма и документы. С.312, 368.
18. Цветаева М.И. Наталья Гончарова. (Жизнь и творчество). Сочинение в 2 т. М.: Художественная литература, 1988.
19. Константин Коровин вспоминает. М., 1990. С.331–333.
20. Fernando Díaz-Plaja. El español y los siete pecados capitales. Madrid, 2004. P.319.
21. De Los Ríos, Fernando. Mi viaje a la Rusia soviética. Madrid, 1970. P.71.
22. Цит. по: Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964.
23. Стравинский И. Хроника моей музыкальной жизни. Л., 1963. С.110.
24. Хосе Ортега и Гассет. Этюды об Испании. Киев, 1994. С.96 и др.
25. Unamuno M. de. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. Diario íntimo. Madrid, 1974.
26. Noya Javier. Diplomacia pública para el siglo XXI. Barcelona, 2007. P.381.
27. Там же.
28. Гачев Г. О национальных образах мира. polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/.